

МЁРТВЫЕ РОЗЫ. ОДНА ШТУКА — 150 РУБЛЕЙ

— Следующая станция — «Пражская».

Маша проснулась. Надо же, чуть не проехала! Устала, всю неделю то работа, то с внуком сидела. Такой славный, солнышко просто, но сил уже на всё не хватает. Она посмотрела на свежесбрившийся затылок мужа, уронившего голову на грудь, — и не узнала его. Как чужой. Слегка толкнула мужа в бок. Тот поднял голову и посмотрел совершенно чужими глазами. И всё лицо его было чужим и колким. Незнакомый мужчина оценивающе перевёл взгляд с Машиной отсутствующей причёски на её расплывшуюся фигуру, обтянутую бордовой китайской болоньей. Маша, обескураженная такой ситуацией, поспешила выйти из вагона. Ну вот, уже к чужим мужикам приставать начала... Пора отдохнуть!

В переходе всё было как всегда. За стеклом в белом пластике стояли розы всевозможных расцветок. Она больше всего любила жёлтые с красными краями. Маша каждый раз замедляла ход, любясь этим буйством красок. Дарят же кому-то цветы, иначе бы не торговали. И даже подарочные букеты, такие дорожные, что неделю можно жить всей семьёй, тоже кому-то дарят. На ценниках, помимо цифр, было написано, сколько времени жизни осталось цветам. Розам счёт шёл на часы, а вот хризантемы были долгожителями. Какое странное новшество! Ведь никто же не купит. Опровергая её мысли, молодой человек купил целый веник алых роз, который едва успеет вручить до начала увядания. Маша с таким удивлением посмотрела на молодого человека, что тот смутился и сказал: «Она вряд ли любит меня, только мои деньги...»

Чувство смутного беспокойства, кольнувшее Машу в вагоне, опять вернулось. У выхода из метро стоял привычный скупщик золота, фарфора и прочего ценного барахла. На его картонке красовалась надпись «Скупка краденого». Свят-свят-свят, что же происходит? Куда смотрит милиция? А милиция смотрела прямо на Машу.

— Ваши документы! Сержант Петров, — представился молодой человек в униформе.

Маша нервно закопалась в сумке, надеясь, что паспорт именно в этой сумке, а не в какой-нибудь еще. Слава богу, тут...

— А что же вы за скупку краденого не арестовываете?

— За какую еще скупку? — спросил сержант, тщательно рассматривая прописку.

— Да вот же молодой человек среди бела дня скупает, а вы почему-то у меня документы проверяете, когда меня тут каждая собака знает.

— Ах, этот... это наш сотрудник... гы-гы... выявляет криминальный элемент района. А вы можете идти, — ответил сержант, возвращая паспорт. Затем выдержал паузу и весомо добавил: — Пока.

Ноги предательски и без повода дрожали. Навстречу шли лица неизвестных национальностей, в оранжевых жилетах, на которых наискосок было вышито слово «нелегал». Господи, это ведь не мой город! Или мой? На глаза набежали слёзы. Маша отвернулась к витрине супермаркета и увидела за стеклом Викторию Руффо, более известную как ПростоМария, та стояла и улыбалась тихой улыбкой счастливой женщины. У Маши закружилась голова, и она подняла руки к вискам, чтобы поставить голову на место. ПростоМария сделала то же самое, только у неё это выглядело как изящное «ах, и не говорите».

«Это же я! Я всегда знала, что это я, что именно так я и буду выглядеть через пятнадцать лет!» — обрадовалась Маша. В иссиня-чёрных волосах не было ни одного седого. Всё тело еле уловимо пахло, и очень хорошо пахло. Только вот костюм был не по сезону лёгким. Да пусть, пусть всё остаётся таким кошмарным, лишь бы всегда так выглядеть!

Маша увидела смешного юношу, брюки которого были короче нормы сантиметров на десять. А в остальном он был вполне милым и на кого-то похожим. «Ой, мамочки, это же мой Петя в молодости, и свитер этот зелёный турецкий я помню как штопала», — узнала она мужа.

— Петя, это ты?

Он смотрел на неё, сильно щурясь, потому что стеснялся носить очки.

— Петя, ты не узнаешь меня?

— Кажется, узнаю. Вы Мария?

— Да, это я! Твоя Маша.

— Просто Мария.

Петя её не узнал. Зато начали узнавать старушки. Бросая свои пакетики с квашеной капустой и солёными огурцами, они окружали её кольцом. Петя незаметно слинял. А кольцо сжималось.

— Она это, она! Сколько времени на нее убили! А другие в это время деньги делали... Плянь, всё такая же фря, ничего не берёт ведьму!

Кто-то рванул из рук сумочку. Кто-то отдалил ногу. Самая высокая бабка вцепилась в волосы с криком: «Парик! Говорю вам, парик!»

— Пееетяаа!

Маша крикнула из последних сил...

— Да не сплю я, не сплю!

— Следующая станция — «Пражская».

Пётр поднял упавшую на грудь голову:

— Как раз наша!

Лицо мужа показалось бесконечно родным. А ведь вчера ещё думала: если бы не он, жизнь сложилась бы совсем по-другому.

— Вставай, Петь!

— Маша, не нервируй! Я как-нибудь сам знаю, когда встать, не маленький.

— Большой, большой! — улыбалась Маша.

На выходе из вагона, толкаясь, их обогнала молодая мамаша в сапогах на шпильке, в таких Маша не могла бы стоять и в молодые годы. Мамаша волочила за руку мальчика, страдающего лишним весом. Маша готова была посочувствовать мальчику, но он показал ей язык, и сочувствие тут же испарилось.

За стеклом стояли розы всевозможных расцветок. Уж эти-то свежие, это точно, за такие-то деньги!

Пётр резко остановился и спросил:

— Помнишь, какой сегодня день?

— А какой? 7 ноября. Красный день календаря.

— Молодец, старушка моя! Что-то ты ещё помнишь. А как брали штурмом Зимний не забыла? Мы познакомились с тобой в этот день, сто лет назад примерно. Давай я тебе розы подарю, Маш, твои любимые — жёлтые с красным.

— Петь, да ладно тебе... — Маша от неожиданности застеснялась.

Но Пётр уже вернулся к цветочному ларьку, ожидая, когда отойдёт покупатель. Потом он долго выбирал самые красивые из красивых, а Маша вдруг представила, как они покорно опустят свои головки, оказавшись в тепле, а потом и вовсе облетят сотней грустных мотыль-

ков, загадочных в своем желании как можно быстрее покинуть этот мир. Холодно им тут. Очень холодно.

— Петь, а давай хризантемы, а?

Пётр обернулся:

— Точно?

— Да, Петь. Символ Японии.

Пётр посмотрел на жену так, как будто первый раз увидел, и сказал продавщице, терявшей терпение:

— Ну, раз Японии — дайте три!

Хризантемы простояли до начала зимы. Дочка сколько раз приходила — столько удивлялась и делала вывод: «Потому что подарены с любовью!»

Ну да, с любовью... А когда она последний раз была-то? Её Петя и в молодости был не по этому делу. Говорят, есть мужчины для хоровода, а есть для огорода. Петя мог быть агрономом, может, даже главным, а вот хороводов у них был дефицит. В последние же годы хороводы случались пару раз в месяц. А в совсем последние — совсем перестали случаться. И никакие намёки не помогали прояснить ситуацию. «О доме надо думать!» — отшучивался муж, когда Маша шла в очередную атаку. Постепенно тихое отчаяние и ощущение, что жизнь кончилась, вогнали Машу в депрессию. И тут-то появился он — Карлос, приславший письмо на только что заведённый электронный адрес. На фото был невозможный красавец латинской наружности. Его рубашка лопалась по швам от игры бицепсов, а улыбка в тридцать три зуба показывала, каких чудес достигла заграничная стоматология. Маша с трудом, но и с интересом разбирала русские слова, написанные латиницей. Иногда слова оставались неразгаданными, а звучали всё равно волшебно. Карлос обращался к ней «милая мучача». Эта «мучача», если только Маша правильно прочитала, не давала ей покоя, а спросить у домашних, кто это такая, Маша не решалась. Вдруг что-то неприличное?

Карлос мечтал приехать в Москву, сходить в Мавзолей и выучить язык Достоевского, потому очень радовался знакомству с Машей и хотел помочь ей деньгами, для чего ему нужен был номер счёта новой подруги. У Маши не было ни номера, ни счёта, поэтому она, как могла, тянула время и даже прочитала «Идиота». Но письма Карлоса становились всё короче. Обиделся, решила она. Потом пришло последнее письмо, довольно грубое, и Маша подумала, что латинский темперамент не для её расшатанных нервов. А всё муж — довёл до

греха! Даже местные дворники стали посвистывать ей вслед. Эти-то откуда знают, чего ей не хватает? Как чуют! А всё из-за него — Пети!

И вдруг перед Новым годом новый удар — соседка доверительно сообщила, что видела Петю с другой женщиной. Они гуляли по аллее с собачкой.

Гуляли... Сначала Маша подумала, что это точно не Петя. Он не гуляет. Никогда не гулял. Раньше. А вдруг он? Соседка без очков, стало быть, зрение хорошее. Ишь, гулёна! Гуляет, значит. Со мной, значит, о доме думает, а с ней — гуляет. Маша представила рядом с мужем крашеную блондинку с тонкой талией, в сапогах на шпильке. Таковую, наверное, приятно обнять, и даже можно ради прогулки пропустить футбол. На футбол он опоздал вчера — и никакого расстройства. И что? Как жить-то теперь дальше?

Маша сидела на кухне, не замечая, что стало совсем темно. Пришедший с работы Пётр сразу и не понял, что жена дома, включил свет на кухне — Маша зажмурилась.

— Маш, ты что это? Испугала меня. Что-то с внуком?

— Нет, всё хорошо у них. Это у нас плохо, Петя.

— А у нас-то чего плохого?

— Да вот... кончилась жизнь, Петя. На вид ещё живые, а на самом деле мёртвые. Всю жизнь ждали, когда будет полегче, чтобы уж тогда зажить... А всё... кончилось всё. Хоть ложись и помирай.

— Ну и настроение у тебя, — только и смог сказать Пётр.

Ему было жаль жену, но он не хотел пропустить футбол. «Спартак» играл с «Зенитом». Пётр повернулся к двери, а Маша тихо спросила:

— Выгулял пёсика?

Пётр, забывший за долгие спокойные годы, что такое выяснение отношений, стал неловко спрашивать, о каком пёсике речь. Если бы Маша не была так расстроена, она наверняка почувствовала бы, как фальшиво прозвучал вопрос. Но Маша, погружённая в свои страдания, ничего не почувствовала и продолжала говорить много, сбивчиво и с обобщениями вроде «всегда знала», «мама была права» и «зачем только не слушала». Когда картина прояснилась, Пётр сказал о соседке:

— Нашла кого слушать! От неё уже трое мужей сбежало.

И добавил с укоризной:

— Между прочим, это наша дочь попросила посмотреть няню, чтобы ты, Маша, больше так не уставала. А ты...

Маша почувствовала, как ей, почти утонувшей в болоте, кинули соломинку.

— Правда, Петь?

— Конечно, правда. Но надо еще поискать. Эта вряд ли нам подойдёт. Да и дорого берёт.

«Да и бес с ним — сексом этим... лишь бы любил!» — поняла сразу же воспрянувшая Маша. А Пётр подумал, какая он свинья, что решил на старости лет приударить за кандидаткой в няни. Не мог удержаться — такая она была одинокая и привлекательная. Теперь придётся другую искать, лучше постарше. А всё-таки как иногда спасает полуправда! Без иллюзий и мужику-то трудно, чего уж про женщин говорить? Слабый пол.

«Спартак» выиграл 2:1.

О САМОМ ГЛАВНОМ ЗЛОДЕЕ. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Режиссёру Нине Григорьевой

— А Ялту помнишь?

— Какую Ялту? — Валентин Иванович дёрнулся, как будто его слегка ударил током собственный холодильник.

Гость, стусевавшись, похлопал себя по карманам, потом достал небольшой листок, сложенный пополам и показавшийся Валентину Ивановичу знакомым, развернул и прочитал: «Ялта, 1981, необыкновенный успех».

— Да, нас там очень хорошо принимали, — сказал Валентин Иванович. На его лице появилась улыбка счастья, но тут же и спряталась, как осторожный суслик.

— Так и нам пора принять! — сказал повеселевший гость.

Валентин Иванович всю жизнь отдал театру юного зрителя. И так сошлись звёзды, что играл он одних злодеев, отчего получил прозвище Самого Главного Злодея, или коротко СГЗ (для близких — Сигизмунд). И вот сегодня ему исполнилось семьдесят, к чему новорожденный оказался совсем не готов. Никогда его не пугал собственный возраст, а тут что-то стало не по себе. Но и театр оказался не готов. Или попросту не заметил юбилея. Правда, утром директор выдал Валентину Ивановичу премию — легко поместившуюся в маленьком конверте маленькую купюру. Но это и всё. Никто не поздравил, не похлопал по плечу. «Забыли, как Фирса...» — вертелось у него в голове, пока он выгуливал свою беспородную Репу — собаку по имени Репетиция. А он и не стал напоминать. Обида вдавила его красивую седую голову в плечи, как будто это не голова, а канцелярская кнопка.

Погода полностью соответствовала концу ноября, настроение тоже, поэтому прогулка была недолгой. Подойдя к собственной двери, Валентин Иванович обнаружил, что опять забыл её закрыть. И что делать с этим склерозом? Когда-нибудь обнесут, как липку.

В подтверждение этим мыслям в коридоре обнаружили чужие ботинки. Репа бросилась обнюхивать их, а Валентин Иванович не разуваясь прошёл на кухню, где и обнаружил незваного гостя. Это был мужчина лет сорока, небрежно одетый и небритый. Он сидел за столом и, видимо, ждал самого Валентина Ивановича, о чём свидетельствовала непочатая бутылка «Столичной».

— Вы, собственно, кто?

— Я? — гость выдержал паузу и выдохнул: — Я Фей.

— А я Дед Мороз, — ответил Валентин Иванович, саркастически улыбаясь.

— Не верите? А зря, Валентин Иванович, зря. Что вас смущает? Вы так неодобрительно посмотрели на мою трёхдневную щетину. Так модно сейчас у фей. А вы что хотели? Дешёвые куриные крылья за спиной? Так это голливудщина, честное слово.

— Мне давно не пять лет. Да и в пять я бы не поверил. Не убедительны вы.

— Скажите, какой Станиславский... А мы можем и обидеться. Мы народ языческий, горячий. Можем и собаку из-за недоверия съесть, — гость выразительно посмотрел на Репу, стоявшую теперь рядом с хозяином. Репа сделала два шага назад.

— Вы серьёзно? Серьёзно хотите меня убедить в этой глупости?

— Знаете, Валентин Иванович, к пятилетним пухлым детям мы отправляем голубые вертолёты с бесплатным эскимо. А вам вот я, — гость изобразил подобие улыбки.

— Да ладно вам, не старайтесь, бездарная игра и банальная пьеса. Именно голливудщина, терпеть этого не могу.

И вот тут гость напомнил про Ялту, вынув листок с подсказкой, как козырной туз.

— «Столичная» стояла на столе... — произнёс гость с заунывной интонацией, как это принято у поэтов, но его вдохновение тут же и забуксовало. Тогда он деловито спросил: — Иваныч, а закусь у тебя есть?

Валентин Иванович достал из закровов банку солёных огурцов. Как только крышка была поднята, по кухне пошёл тот самый аромат, который вызывает приступ неприличного слюновыделения у каждого нормального человека, даже женщины. Огурчики, один к одному, пупырчатые и зелёные, как лягушата, были выложены на тарелку с гордой надписью «Общепит».

— Иваныч, ну это же совсем другое дело! Сам солил?

— Сам, — коротко буркнул Валентин Иванович, отмечая про себя, что он совсем не прочь выпить с этим «феем» рюмку водки.

Они выпили за знакомство.

— Вот с чем я к тебе, собственно, пришёл, — не унимался гость, — наши тут делали ревизию и выяснили, что ты проскочил без подарка. А каждому положен один подарок, понимаешь? А тебе вон уже семьдесят годков... Кстати, за это надо выпить!

Выпили за юбилей. И гость продолжил:

— Понимаешь, семьдесят — это... — гость явно пытался найти деликатное слово, но у него не получалось, — это дофига просто! Это просто ужас какой-то, Иваныч!

— Нормальный возраст. Ты тоже на семнадцать не выглядишь, — возражал Валентин Иванович.

— Нееее, не скажи! Вот и в театре о тебе все забыли. Ну, забыли же?

— Просто жизнь сейчас такая. Всем тяжело. И театру тяжело, денег нет. А директор всё равно меня поздравил и премию выдал. И я, если б деньги были, устроил бы банкет, все бы пришли! Гуляли бы до утра! — в голосе Валентина Ивановича зазвучала предательская слеза обиды.

— Да ладно, не переживай, — сказал гость, — что ж я, не знаю? Пришли бы, конечно, паразиты такие... И вот потому-то наш коллектив фей делает тебе наш фейский подарок — любое желание на выбор.

Казалось, гость сам не ожидал, что скажет именно это.

— Любое? — Валентин Иванович засмеялся. — Ну вот ты и попался!

— Любое! — строго сказал гость. — Хочешь трёхкомнатную квартиру, к примеру?

— Хочу, — спокойно сказал Валентин Иванович, — давай квартиру! В центре!

— В центре? — гость захихикал. — Ты за кого меня держишь? В Кремле ещё попроси, ага... Значит, так: трёшка в спальном районе, 30 минут от метро, новостройка, без планировки. Это всё, что мы можем вам предложить на сегодня.

— Да что вы? И как я буду оттуда в театр добираться? И на что ремонт делать? Ответьте, товарищ Фей!

— Это не наши проблемы, кстати. Берёшь или нет?

— Нет.

— Хорошо. Так и запишем: клиент от квартиры отказался. А что тогда? Жену хочешь?

— Так ты сейчас опять скажешь, что остались только ровесницы.

— Смотри-ка, какой ты ушлый! — опять засмеялся гость. — Ладно, есть и молодые. Какую тебе? Длинноногую блондинку? По-прежнему пользуются спросом у некоторых слоёв населения.

— Что я с ней буду делать, — размышлял Валентин Иванович, — маникюр и педикюр? У нас таких в театре перебывало миллион. А может, лучше детей, а? Вроде как я не знал, что где-то у меня сын растёт, а он приедет: «Здравствуй, папа!»

— А что... нормальное желание... сколько ему лет-то может быть? Где-то полтинник, лысина, зрение минус восемь, зубной протез... Приедет к тебе из уездного города N, где вы гастролировали когда-то с «Золотым ключиком», рюкзачок за спиной, скажет: «Жизнь не сложилась, из дому выгнали, поживу у тебя, пока не устроюсь». А потом уже его дети, внуки... тоже сильно скучали по деду, мол, все пятьдесят лет.

— Нет, не надо, давай выпьем за искусство!

Гость понимающе согласился, выпили. Повисла тишина.

— Ладно, убедил, буду называть тебя Феем.

— Спасибо.

— А как ты вошёл в квартиру?

— Вот! — гость поднял кверху большой палец. — Мог бы сказать тебе, что дверь мне не помеха, а не буду. Потому что мы только правду! Мы Договор Правды подписываем. И если нарушаем, то прозрачными делаемся. Баланс, понимаешь ли. Как только поступки становятся непрозрачными, тут же тело начинает просвечивать, да ещё неравномерно, дырками такими... Как пуховый платок, молью траченный. А мне моя внешность (которая тебе не понравилась, я это заметил, не думай!) дорога. Открыта была дверь, ты больше так не делай! Не каждый к тебе, как я, со «Столичной» придёт. К беде неопытность ведёт. Не могу скрыть от тебя, что осталось только одно желание. Всего три было на выбор. Два ты уже отверг. Так что будь аккуратнее!

— А что же загадать-то?

— Хочешь, чтобы я за тебя?

— Нет, спасибо, ты загадаешь... Только я размышлять буду, ладно? Я тебе скажу, когда точно придумаю.

— Давай! Размышляй!

— Вот, скажем, попросил бы тебя устроить меня в хороший театр...

— Точно! В Большой!

— А что бы я там делал?

— Да, в балет, пожалуй, уже поздно. А с песней как, дружишь?

— В оперу то есть меня, да?

— Да. Хочешь?

— Не хочу. А вот, знаешь, у себя бы сыграл что-то другое, не злодейское.

— Так... а что?

— Ну, у нас репертуар-то небогатый. Может, Деда Мороза, а? Ходил бы с мешком, детям подарки раздавал... Они, пока маленькие, в Деда Мороза верят. Даже те, которые говорят, что не верят, верят.

— Да ладно, что это за желание? Думай ещё, я не спешу.

— Хорошее желание! Понимал бы что, Фей-корифей!

— Ну не знаю... Я бы лучше Гамлета взял. Берёшь Деда Мороза?

— Беру.

Гость медленно достал из кармана уже другой сложенный листок, развернул и подал Валентину Ивановичу. Это была ксерокопия приказа, где за Валентином Ивановичем именем директора и печатью театра закреплялась роль Деда Мороза.

Руки Валентина Ивановича немного дрожали. Губы тоже. Он понимал, что это какой-то фокус, но почему-то фокус так его растрогал, что сказать он ничего уже не мог, кроме слова «наливай».

— Ну, и вот тебе ещё, по заказу труппы, средство мобильной связи, — сказал гость, подавая коробку с телефоном. — Бонус!

Поздним вечером малоизвестный, никогда не видимый зрителю актёр кукольного театра, дружественного ТЮЗу, покинул скромную квартиру Валентина Ивановича. К радости от хорошо исполненной роли примешалась чайная ложка дёгтя. Актёр достал из кармана листок с «Ялтой-81» и отругал сам себя: «Говорили тебе, чтоб запомнил и съел! Учить слова надо, обормот!» Но он зря волновался, Валентин Иванович так и не узнал в этом листочке репертуарку того самого ТЮЗа, которому отдал всю свою жизнь.